

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в.: подходы и методы изучения

О.Е. Глаголева

Наше понимание российского дворянства XVIII в. и его отношений с государством и обществом в большой степени сформировано трудами двух исследователей – Марка Раеффа и Юрия Лотмана. Эти два основоположника социальной и культурной истории дворянства в России в XVIII в. не только дали нам базовые научные концепции, на которые до сегодняшнего дня опираются исследователи, но и предопределили наше эмоциональное отношение к изучаемому периоду и его проблемам. Символично, что двойственность культуры русского дворянства, о которой писал Лотман, отразилась и в двойственности видения ее глазами историка западного и историка российского. В своем основополагающем труде "Происхождение русской интеллигенции: Дворянство восемнадцатого века", Марк Раефф писал, что "несформированность дворянства как самостоятельного сословия предопределила оторванность обыкновенного дворянина от своих корней и его зависимость от государства" и это, в конечном итоге, "послужило питательной средой для зарождения интеллигенции"¹. Высказанная более полувека назад, эта точка зрения находит развитие и в современных публикациях ведущих западных историков. Так, Элиза Виртшафтер в своем фундаментальном исследовании о социальной структуре российского общества дореволюционного периода подчеркивает, что "образы отчуждения, оторванности от реальности, экономического застоя, упадка и кризиса [с которыми ассоциируется наше представление о дворянстве XVIII в.] возникают из-за многообразия и неустойчивости дворянских типов", общими для которых, однако, являются "отсутствие четких социальных параметров и сопутствующие незащищенность и неопределенность дворянского статуса"². Парадигма ущербности и незащищенности становится наиболее сильной в отношении дворянства провинциального, чьи привычки, образ жизни и вкусы традиционно связываются с неразвитостью, невежеством и скукой³.

Юрий Лотман в книге "Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века)" дает гораздо более поэтический образ представителей дворянского сословия в России. Рассматривая быт и традиции дворянства как пространство культуры, включающее в себя сферу социального общения, нормы практического бытия, а также интеллектуальное, нравственное и духовное развитие, Лотман показывает, что "мир идей неотделим от мира людей, а

¹ M. Raeff, *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*, 1966. С. 106-107 (здесь и далее, если не оговаривается специально, перевод мой – О.Г.)

² E.K. Wirtschafter, *Social Identity in Imperial Russia*, 1997. P. 29.

³ Теория «неотмщенной обиды» (ressentiment, термин Ницше) и собственной ущербности как основ русского национального самосознания наиболее ярко выражена в статье Гринфелд: Liah Greenfeld, "The Formation of the Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Ressentiment," *Comparative Studies in Society and History*, vol. 32 (1990): 549-591; см. также Thomas Newlin, *The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738-1833*. Evanston, Illinois, 2001.

идеи – от каждодневной реальности".⁴ Вместо картин ущербности и ограниченности жизни в провинции Лотман рисует мир символов и поэзии, в котором "представление, что ценность личности – в ее самобытности, неповторимости, в тех качествах, для которых Карамзин нашел новое слово – "оригинальность", было чертой, в которой выразился век"⁵. Даже малообразованные "провинциалы" приобретают в изображении Лотмана черты трогательные и самоценные. Две культурные традиции, связанные с отношением к заимствованию приходящих с Запада идей и вещей, определяли взаимоотношения между людьми и одновременно, по мнению Лотмана, разделяли русское дворянское общество в конце XVIII в.⁶ Двойственность культуры дворянства ярко выразилась в модели отношений к "своему" и "чужому", "старому" и "новому" и, наконец, в дихотомиях "провинция / столица" и "Россия / Запад", наметившихся в XVIII в.

Отмеченное несовпадение традиций осмысления истории России российской (советской) и западной научными школами, кажущееся привычным для недавнего прошлого, не преодолено, по мнению некоторых исследователей, и сегодня. Американский историк Дэвид Ранзел в статье с многозначительным названием "Единое научное сообщество: Пока нет", пишет, что обсуждение на страницах печати и на научных форумах фундаментального труда Бориса Миронова "Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)"⁷ отчетливо продемонстрировало "не срастание, а, вероятно, увеличение разрыва между западными и российскими подходами к истории России".⁸ Во времена Советского Союза, несмотря на то, что общение советских историков с их западными коллегами было крайне затруднено, обе группы, по мнению Ранзела, двигались в своих научных поисках примерно в одном направлении - от политической, дипломатической и интеллектуальной истории, которая интересовала исследователей в 1950е-1960е гг., к проблемам социальной истории в 1970е-1980е гг., хотя представители этих групп и приходили нередко к различным выводам в зависимости от понимания задач исторического исследования. Развал коммунистического режима и прекращение контроля партии над обществом в России предопределили обращение российских историков к таким ранее запрещенным или непопулярным темам, как монархия и царская семья, сословия священников и купцов, история предпринимательства и частная жизнь. Многие традиционные темы также требовали переосмысления, учебники истории нуждались в переписывании. Обращение к новой исторической проблематике в России совпало с поворотом интереса западных историков в 1990х гг. к культурной истории и постструктурализму, обычно обозначаемому как "лингвистический

⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). Санкт-Петербург: "Искусство – СПб", 1994. С. 10.

⁵ Там же, с. 214.

⁶ Там же, с. 312.

⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. СПб., 1999.

⁸ David L. Ransel, "A Single Research Community: Not Yet." *Slavic Review*. Vol. 60, no. 3 (Fall 2001): 550-57.

поворот". В то время, когда российские ученые, по мнению Ранзела, испытывали острую потребность в более ясном, неидеологизированном понимании своего прошлого и создании истории России, покоящейся на твердом основании "исторической правды", западные историки увлеклись освоением подходов из таких смежных областей знаний, как литературоведение и культурология, антропология и лингвистика, которые "дестабилизировали" историческое знание, уводя исследователей из сферы фактов и однозначных интерпретаций в область гибких категорий и концептуальных догадок.⁹

Данный разрыв в подходах и задачах исторической науки в России и на Западе особенно чувствуется применительно к исследованиям по региональной истории России. Американская исследовательница Сюзан Смит-Питер, с энтузиазмом приветствуя появление на свет большого количества новых изданий по истории отдельных регионов, отмечает стремление российских историков к накоплению и освоению нового эмпирического материала, особенно почерпнутого в архивных исследованиях. При этом, однако, российские историки, по мнению Смит-Питер, нередко игнорируют достижения современных теорий исторического анализа. В то же время, их западные коллеги преимущественно обращаются к новым теоретическим подходам, нередко забывая подкреплять свои рассуждения основательным фактологическим базисом. В результате, резонно замечает исследовательница, "на Западе мы имеем дело с теорией без местного материала, в России мы видим местный материал без теории".¹⁰

Предоставить возможность общения историкам различных направлений и найти пути объединения эмпирического и теоретического подходов к локальной истории России и дворянства XVIII в. было задачей международной конференции "Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в.", организованной Германским историческим институтом (Deutsches Historisches Institut Moskau) в Москве 23-25 апреля 2009 г. Исследовательские работы, представленные на конференции шестнадцатью учеными из разных стран, составили настоящий сборник.¹¹

Проблемы терминологии и дефиниций

Трудности, переживаемые современной исторической наукой в осмыслении истории российской провинции XVIII в., значительно увеличиваются из-за отсутствия ясного представления о том, что же является объектом исследования, а также в рамках какой дисциплины (или субдисциплины) эти исследования

⁹ Там же, с. 551-553.

¹⁰ Susan Smith-Peter, "How to Write a Region: Local and Regional Historiography," *Kritika* 5.3 (2004): 527-542 (p. 541).

¹¹ Финансирование конференции было осуществлено Германским историческим институтом в Москве. Организаторами выступили Ольга Глаголева, Александр Каменский и Ингрид Ширле. Конференция была проведена Ольгой Глаголевой и Ингрид Ширле; в ней, кроме авторов статей настоящего сборника, приняли участие Вероника Долгова, Наталья Зурева, Виктор Мауль и Игорь Юркин.

проводятся. "История русской провинции", "провинциальная история", "локальная история России", "краеведение", "историческое краеведение", "региональная история", "регионоведение", "регионология", "местная история" и даже "местография" – эти и подобные им названия применяются в многочисленных и разнообразных работах, обсуждающих проблемы истории отдельных регионов России. Причем толкование этих дисциплин и субдисциплин, а также сфер их "интересов", встречается также самое разнообразное и даже противоречивое. Так, А.Б. Каменский в своей книге о жителях Бежецка в XVIII в. осторожно уходит от определения того, как назвать область знания, которая его интересует. Он пишет в предисловии, что на его взгляд, "априорная установка на то, что я занимаюсь микроисторией, локальной историей, антропологией города или историей повседневности, была бы не менее вредна, чем если бы я приступил к этому исследованию с некоей уже готовой концепцией повседневной жизни русского города XVIII в."¹² Тем не менее, Каменский предлагает строго разделять "местную" и "локальную" истории. "Во второй половине [XVIII] столетия ... зарождается... направление, впоследствии получившее название "Провинциальная историография XVIII в.",... [и] это стало началом того, что в наши дни именуют местной историей, или краеведением (не путать с локальной историей!).."¹³ – восклицает историк и далее приводит определение двух подходов, принятых в локальной истории и отличающих ее от краеведения. Первый из них "подходит к проблеме со стороны индивидов ... и имеет предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе жизненного пространства. Второй подход отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования самой социальной среды ... включая исторический ландшафт ... и социальную экологию человека, весь микрокосм общины, все многообразие человеческих общностей, неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций". Именно это направление получило свое воплощение в трудах историков ... лестерской школы, в частности в работах ее главы Ч. Фитьян-Адамса".¹⁴ Однако если мы взглянем на труды самого Чарльза Фитьян-Адамса, в частности на его основополагающую работу "Переосмысление английской локальной истории" (*Re-thinking English Local History*), то мы увидим, что английский ученый употребляет термин "локальная история" как для обозначения того направления исторических поисков, которые ведутся историками-любителями и традиционно называются в России "краеведением", так и для "академической" отрасли исторической науки, занимающейся проблемами истории регионов.¹⁵ Более того, в современной англоязычной литературе термин "локальная история" нередко используется именно для обозначения работ краеведческого характера и противопоставляется "региональной истории", которая в этом случае выступает в

¹² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в." М., 2006. С. 20.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Charles Phythian-Adams, *Re-thinking English Local History*, Leicester University Press, 1987.

качестве "научной" альтернативы подходам историков-непрофессионалов. Так, упоминавшаяся выше Смит-Питер в первых строках своей статьи с самоговорящим названием "Как 'писать' регион: Локальная и региональная историография" (How to Write a Region: Local and Regional Historiography) дает точное определение того, как она понимает данные термины: "Региональная история (regional history) это история регионов в рамках теоретического и сравнительного подходов," – и противопоставляет ее "русской историографической традиции локальной истории, известной как краеведение" (the Russian historiographical tradition of local history known as *kraevedenie*).¹⁶ Автор при этом ссылается на работы русских исследователей А.Севастьяновой и А.Зорина.¹⁷ Как видим, у Смит-Питер толкование термина "локальная история" диаметрально противоположно толкованию Каменского, причем оба автора подкрепляют свои определения ссылками на противоположную сторону историографической традиции.

Если термины "локальная история" и "региональная история" имеют вполне "академический" и эмоционально нейтральный характер, то термин "провинциальная история" несет в себе весьма ощутимую оценочную нагрузку, идущую от негативного багажа слова "провинция". Людмила Зайонц в своих работах по истории понятия "провинция" убедительно доказывает, что благодаря отмене в России провинции как административной единицы по реформе 1775 г. понятие вышло за пределы термина и начало жить "как открытая лексическая форма, порождающая свое текстогенное пространство". Уйдя сначала из административной лексики, существительное "провинция" появилось в словарях конца XVIII в. как синоним слова "деревня", постепенно приобретая негативный характер, который закрепился в русской литературе и, при постепенном срастании его грамматической функции с поэтической, получил устойчивую эмоциональную и стилистическую окраску. Автор подмечает, что благодаря углубленному интересу к истории "глухих провинциальных уголков", возникшему в России в начале XX в. вокруг публикаций журналов "Столица и усадьба", "Старые годы" и др., культурное пространство провинции было объявлено чем-то вроде "национального заповедника" и обрело свой особый "хронотоп", в результате чего "движение в направлении столица → глубинка фактически означало путешествие во времени (чем дальше [от столицы], тем ближе к 'седой старине')...". Одновременно поиски в сведениях об уездном быте, усадебной культуре и т.д. "типичного, характерного, определяющего привели к своеобразной 'сублимации' материала: он трансформировался в галерею культурных символов".¹⁸

¹⁶ Susan Smith-Peter, "How to Write a Region: Local and Regional Historiography," *Kritika* 5.3 (2004) 527-542 (p. 527).

¹⁷ Севастьянова А.А. Региональная история в русской и зарубежной историографии. Т. 1-2. Рязань, 1999; А.Н. Зорин и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

¹⁸ Зайонц Л.О. Русский провинциальный "миф" (к проблеме культурной типологии) // Геопанорама русской культуры. С. 427-456, цитируются с. 428, 431; ее же: "Провинция" как термин // Русская провинция: миф - текст – реальность. С. 12-20; ее же: История слова и понятия "провинция" в русской культуре // *Russian Literature "Provincija"*, LIII (2003): 307-330, цитируются с. 314, 316, 320.

Закреплению негативного значения слова "провинция" в большой степени способствовал также концепт "красного угла", характерный для русской культурной мифологии. Жесткая иерархия социальных отношений, активно внедряемая усилиями центральной власти в русское сознание начиная с XVIII в., сыграла тут не последнюю роль. Как в каждой избе или дворянском доме существовал "красный угол" – сакральное место, где помещались иконы и усаживались самые почетные гости, так и в стране существовал свой "красный угол" – столица, где наряду с правительственными указами и распоряжениями появлялись "лучшие" идеи, нормы, моды, распространявшиеся затем на всю страну, и куда стекались "лучшие" люди и продукты всех отраслей функционирования государства.¹⁹

"Миф провинции" нашел свое яркое воплощение в сложившемся к XIX в. устойчивом стереотипе провинциальности. Его анализу уделяется в последнее время все возрастающее внимание. Однако определить суть феномена с научной точки зрения оказывается не так легко: всеми чувствуемый смысл почти не укладывается в привычные рамки научной терминологии. Так, в недавней статье М.В. Строганова "Провинциализм / провинциальность. Опыт дефиниции" делается попытка разграничить как термины, вынесенные в заглавие, так и явления, которые ими обозначаются. По мнению исследователя, "*Провинциализм* – это осознанное стремление жителя провинции возместить недостатки своего местожительства... некоей амбициозностью, родственной амбициозности 'маленького человека'. Житель областного центра ощущает свою недостаточность перед столичным и вламывается (sic! – ОГ) в амбицию перед жителем районного центра (и так – по цепочке – до бесконечности). С другой стороны, *провинциальность* – это не ощущаемое и не осознаваемое самим жителем провинции отставание от жизни. Например, в то время, когда в столицах началась мода на культурологию, провинция все еще жила... поэтикой, за которую с еще большей степенью устарелости выдаются 'художественные ценности'. Но не агрессивная провинциальность все-таки гораздо симпатичнее и поправимее, чем агрессивный провинциализм. Провинциализм – это, таким образом, точка зрения самого жителя провинции; провинциальность заметна только 'со стороны' 'столицы'. Провинциализм вызывает резко негативную оценку (сатира, гротеск-обличение), провинциальность же... вызывает то, что можно было бы назвать снисходительной иронией."²⁰

Резюмируя суть этих определений, приходится признать, что обе предложенные дефиниции не несут в себе ничего нового, а скорее отражают эмоционально-оценочный стереотип, выработанный более столетия назад. Оба явления, рассмотренные автором, оцениваются им как негативные, хотя он и признается, что провинциальность – исключительно "не агрессивная" (у автора именно так; бывает, видимо, и агрессивная) – "симпатичнее" провинциализма. В такой трактовке

¹⁹ Подробнее см. в моей работе: Olga E. Glagoleva. *Dream and Reality of Russian Young Provincial Ladies, 1700-1850*. Pittsburgh, The Carl Beck Papers no. 1405, 2000. P. 10-11.

²⁰ Строганов М.В. Провинциализм / провинциальность: Опыт дефиниции. // Русская провинция: миф - текст – реальность. М., СПб, 2000. С. 30-37, цитируется с. 34.

жителям провинции не остается ничего, кроме проявления амбициозности или агрессии, в силу их географической обреченности на "отставание от жизни". Данную точку зрения, увы, трудно признать за результат глубокого научного анализа.

Приведение столь обширной цитаты было бы здесь неуместным, если бы попытка Строганова предложить новую трактовку категорий "провинциальность" и "провинциализм" была явлением единичным. Увы, большинство предлагаемых сегодня способов категоризовать оппозиции "центр – провинция", "столичный – провинциальный" не идут дальше размышлений на уровне "передовой – отсталый". Пристальный взгляд на материалы локальной истории уже не раз убеждал, однако, что стереотипы плохо отражают динамику и комплексность исторических процессов, происходивших в провинции.²¹

Зайонц, анализируя "семантический дрейф" понятия "провинция", отмечает, что некоторые словари иностранных языков, изданные в России в конце XVIII в. (т.е. уже после отмены административной единицы, существовавшей в России на протяжении почти всего столетия), характеризуют его как "неизвестный в России европеизм". Зайонц определяет этот факт как "уникальное свидетельство того процесса, который можно назвать поиском семантической ниши".²² Интересно, однако, подчеркнуть, что, обретя свою семантическую нишу в России, бывший "европеизм", являвшийся по логике культурных заимствований XVIII в. феноменом "положительным", по крайней мере в традиционной оценке процессов культурных "трансферов" с Запада в Россию, получил одновременно и диаметрально противоположный лингвистический и культурологический смысл. Из "европеизма", т.е. воплощения "прогресса", провинциализм превращается в показатель "отсталости". Очевидно, что тут налицо и уникальное свидетельство неодновекторности культурных трансферов, адаптация "чужого" со знаком минус, факт превращения при заимствовании "положительного" в "отрицательное", "прогрессивного" в "отсталое".

Справедливости ради следует отметить, что изменение семантического наполнения понятия "провинция" происходило параллельно также и на Западе, однако приобретение понятием оценочно-негативного смысла в русской традиции имело, похоже, свои исторические причины, независимые от его трансформаций в европейских языках. Последние проанализировал в своей статье нидерландский славист Виллем Вестстейн (Willem G. Weststeijn) на примере словоупотребления в английском, французском, немецком и нидерландском языках. Как в XVIII в., так и в настоящее время слово "провинция" широко употребляется в европейских странах для обозначения политико-административной, а также церковно-

²¹ См., например, мои работы: Глаголева О.Е. "Горькие плоды просвещения: Три женских портрета XVIII века" // *Социальная история. Женская и гендерная история. Ежегодник 2003*. М.: РОСПЕИ, 2003; Glagoleva. *Dream and Reality*; Ibid., "Imaginary World: Reading in the Everyday Life of Russian Provincial Noblewomen, 1750-1825," in *Women and Gender in 18th-century Russia*, ed. Wendy Rosslyn (Ashgate, 2003).

²² Зайонц Л.О. История слова и понятия "провинция" в русской культуре. С. 316.

административной территориальной единицы. В этом значении слово имеет нейтральные, смыслообразующие характеристики. Кроме него, слово "провинция" имеет расширительное употребление как обозначение сельской местности или как противопоставление городу. Наиболее ярко это проявляется в немецком и нидерландском языках, где центральная власть не обладает решающим влиянием на политической арене страны. Во Франции, стране с гораздо более сильной центральной властью, слово "провинция" приобрело значение "вся страна, кроме столицы". Однако и в этом семантическом поле слово имеет нейтральный, фактический смысл. Тем не менее, как и в русском языке, в европейских языках сложилась устойчивая традиция нагружать слово эмоционально-оценочными характеристиками, когда "речь идет о пренебрежительном отношении горожанина к глупому, ограниченному деревенщине или столичного жителя ко всем остальным".²³

Негативное восприятие "провинции" как играющей "вторичную" роль в истории страны предопределило на долгие годы и восприятие "провинциальной истории" как "немагистрального" направления в истории России, чего-то маргинального и потому не заслуживающего серьезного осмысления с теоретических высот исторической науки. К счастью, ситуация в последнее время заметно меняется, и как региональные, так и центральные издательства выпускают все большее количество литературы по истории регионов.

Выбирая в качестве объекта изучения определенный регион или какие-то аспекты его истории, исследователи вполне обоснованно сравнивают свой объект с соседними или близкими и нередко подчеркивают их общие, "типические черты". Выявление общих, "родовых" черт, характерных для различных "нестоличных" регионов страны и позволяющих говорить об особом культурном контексте русской провинции, дает плодотворные результаты, если используется наряду с другими подходами, накопленными в результате развития научного направления локальной или региональной истории. Этот подход, однако, нередко используется в работах, авторы которых видят свою задачу в поиске и "открытии" в изучаемом регионе подтверждений процессам, которые протекали в рамках "большой" истории России, – проникновения в провинцию идей Просвещения, распространения в регионе культуры и образования, развития капиталистических отношений и т.д. В подобных исследованиях объектом являются процессы истории макроуровня, нашедшие свое воплощение на уровне локальном. Данный подход свойствен не только и даже не столько краеведческим работам, сколько "историям" отдельных регионов, продолжающим традицию советской исторической науки, хотя авторы подобных работ нередко употребляют для обозначения дисциплины, в рамках которой они написаны, термины "регионоведение", "локальная история" и т.п., сознательно отделяясь от краеведения.

²³ В. Вестстейн. Слово "провинция" в некоторых западноевропейских языках (английском, французском, немецком и нидерландском). // Геопанорама русской культуры. С. 497-502 (цит.: с. 500-501).

При активизировавшихся научных контактах между российскими и западными историками проблема дефиниций усложняется также отсутствием устойчивой традиции перевода терминов, употребляемых, в частности, в английском языке, имеющем сегодня наиболее сильное влияние в сфере научного общения, на русский язык и обратно с русского на английский. В отдельных случаях это приводит к смещению смысла даже в таких базовых понятиях, как, например, "дворянство". Так, Теодор Тарановский заметил, что в трудах англоязычных историков относительно русского дворянства нередко происходит взаимозамещение терминов *gentry* и *nobility*, *landlord* и *state servitor*, употребляемых как синонимы. Это ведет к тому, что, подвергая анализу данные о дворянах–землевладельцах, некоторые исследователи делают выводы о сословии в целом. Указывая на факт серьезной стратификации дворянства в России в XVIII - XIX вв., Тарановский видит необходимость четкого разграничения употребления терминов *the hereditary nobility* (потомственное дворянство), *the landed gentry* (поместное дворянство) и *the personal nobility* (личное дворянство), отмечая также наличие большой группы безземельного потомственного дворянства на государственной службе, к которому часто применяется термин *the state servitors*.²⁴ Обратная тенденция выражается в заимствовании иностранных терминов для обозначения специфически российских явлений или социальных институтов. Так, употребление некоторыми российскими исследователями термина "джентри" по отношению к российскому дворянству этого периода, как к сословию в целом, так и к отдельной его части, является исторически некорректным и представляется нецелесообразным. Чрезвычайное увлечение отдельных российских историков заимствованием английских слов и выражений нередко приводит к возникновению не общего языка общения между российскими и западными коллегами, а наоборот, новых моментов взаимонепонимания, т.к. заимствуемые термины зачастую употребляются в семантически ограниченном варианте и приобретают характерные для русского языка грамматические формы, что искажает их изначальный смысл и сферу применения.

К привычным дихотомиям "столица-провинция", "передовое-отсталое", "культурное-невежественное" добавляются проблемы "культурного трансфера" с Запада и российской "отсталости" в период эпохи Просвещения. Последняя нередко усиливалась российскими мыслителями прошлого и продолжает подчеркиваться современными историками в устойчивой традиции русского самобичевания, а в западных работах иногда мягко называется "оригинальностью", вероятно, из соображений политической корректности. Примеры подобного рода процитированы в статье Клауса Шарфа, приводящего высказывание Петра Чаадаева о том, что "русские не добавили ни одной идеи в копилку идей человечества", и вторящую ему цитату из книги нашего современника американского профессора Диксона Саймона о модернизации России в XVIII в.: "Вследствие своей оригинальности практически ни один русский текст не входит в

²⁴ Theodore Taranovski, *Nobility in the Russian Empire: Some Problems of Definition and Interpretation*. / *Slavic Review*. Vol. 47 (Summer 1988): 314-318.

пантеон европейской политической мысли".²⁵ Если уж русские "в целом" не смогли ничего дать миру, то что же говорить о провинциальных дворянах XVIII в., большинство из которых, по распространенному до сих пор мнению, были неграмотными? Этот клубок стереотипов подводит нас вплотную к необходимости разбираться с проблемой провинциализма, "природа" которого, по мнению Майкла Куглера, "еще совершенно не прояснена" даже на материалах европейской истории.²⁶ Отсутствие общей методологии и теоретического осмысления проблем провинциальной истории России требует, по мнению другого американского исследователя, Анн Лоунсберри, создания специальной дисциплины "провинциальных исследований" (provincial studies), т.к. русская провинция до сих пор остается "вопросом без ответа" (an unanswered question).²⁷

Терминологическая неразбериха, существующая на сегодняшний день в трудах по локальной, региональной или провинциальной истории России хорошо отражает степень "молодости" данной отрасли исторической науки, ту ее ступень, на которой пока еще не разработаны ни терминологический аппарат, ни теоретические подходы, ни даже собственно предмет осмысления. Краткий обзор подходов и методов, применяемых в течение уже более чем полувековой истории существования этого направления на Западе, может быть полезен для становления и развития научного направления локальной истории в России.

История возникновения и развития локальной истории в западно-европейской традиции

Локальная история как научное направление получило свое первоначальное развитие в Англии после второй мировой войны. В 1948 г. произошло два важных события в этом отношении – было открыто отделение английской локальной истории в Лестерском Университете во главе с профессором Уильямом Хоскинсом (W.G. Hoskins) и основана Постоянная конференция по локальной истории (Standing Conference for Local History), предшественница Британской Ассоциации Локальной истории. Этими событиями локальная история как бы разделилась на два потока: лестерская школа начала разработку подходов и методов локальной истории в качестве "академической" научной дисциплины, а Конференция повела активную работу по накоплению и пропаганде фактов местной истории, опираясь на историков-любителей и энтузиастов. Последнее направление организационно оформило многовековую

²⁵ Клаус Шарф, "Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения" // *"Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе". К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи.* / Отв. сост. А.В. Доронин. М., РОССПЭН, 2008, с. 9.

²⁶ Michael Kugler, "Provincial Intellectuals: Identity, Patriotism, and Enlightened Peripheries," *The Eighteenth Century: Theory and Interpretation* 37, 2 (Summer 1996).

²⁷ Anne Lounsbury, "'No, This Is Not the Provinces!' Provincialism, Authenticity, and Russianness in Gogol's Day," *The Russian Review* 64 (April 2005) 259-280 ("the very fact that contemporary Russian scholarship perceives a need for something called 'provincial studies' suggests that the Russian province continues to be figured as an unanswered question...").

традицию локальной истории, развитую в Англии на основе так называемой "антикварной традиции" (antiquarian tradition), выдвигавшей на первый план фиксирование и коллекционирование фактов, а не их интерпретацию. Оно, однако, накопило огромный материал по генеалогии, семейной истории и истории повседневности, что позволило публиковать многочисленные журналы краеведческого характера и многотомные издания, такие как, например, "История графства Виктория" (*Victoria County History*, 73 тома за 1932-1977) и др.²⁸

"Академическая" локальная история, в отличие от "антикварной", меньше всего была "озабочена складированием (stockpiling) индивидуальных, детализированных, региональных, локальных или приходских историй", как подчеркивал Фитьян-Адамс²⁹. Главное концептуальное новшество академической школы локальной истории можно грубо определить как переход от количественного подхода к качественному, от накопления фактов к их интерпретации. На этом пути, однако, с самого начала возникло "напряжение между 'локализованной национальной историей' и 'локальной историей как таковой'", по выражению Герберта Финберга.³⁰ Традиция рассматривать процессы, характерные для национальной истории, на локальном уровне нашла отражение в работах таких авторов, как Ф.М. Стентон, Е.М. Карус-Уилсон, Дж.Г. Плам и др.³¹ Например, Джонатан Чамберс в своем исследовании о графстве Ноттингхэмшир в XVIII в. поставил своей целью "показать развитие локальной истории в период, предшествовавший индустриальной революции, на фоне национальной истории и [выявить] локальный материал, который не может интерпретироваться как факт национальной истории или дополнение к ней и потому традиционно исключается из существующего [исторического] знания". В то же время Чамберс подчеркивал, что его намерение состоит в "использовании локальной истории в угоду общей истории", и адресовал свою книгу тем историкам, которые расценивают локальную историю как средство, а не "конечную цель" знания.³² Таким образом, Чамберс не отходил от традиционных методов "общей" истории, лишь обогащая ее локальным материалом.

Историки лестерской школы не были, однако, удовлетворены таким подходом. Их интересовала "провинция сама по себе", причем в большом хронологическом срезе и в своей целостности. Финберг писал, что "[д]ело локального историка, как я его вижу, состоит в том, чтобы восстановить в собственном сознании и изобразить для читателя Происхождение, Развитие, Упадок и Смерть локального

²⁸ John Beckett, "Local History, Family History and the Victoria County History: New Directions for the Twenty-first Century," *Historical Research*, vol. 81, no. 212 (May 2008): 350-365 (p. 355).

²⁹ Charles Phythian-Adams, ed. *Societies, Cultures and Kinship, 1580-1850. Cultural Provinces and English Local History*. Leicester University Press, 1993, p. [xi].

³⁰ H.P.R. Finberg, *The Local Historian and His Theme*, University College of Leicester, Local History Occasional Papers, 1 (1952), p. 3.

³¹ F.M. Stenton. *Anglo-Saxon England*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1947; E. M. Carus-Wilson. *Medieval Merchant Venturers*. London, 1967; Plumb J.H. *England in the Eighteenth Century*. Pelican Books, London, 1950, etc.

³² Jonathan David Chambers. *Nottinghamshire In The Eighteenth Century*. Routledge, 1966. P. xxiii.

сообщества".³³ По этому принципу были написаны интересные работы, отражавшие историю конкретных мест или сообществ на протяжении длительных отрезков времени.³⁴

В конце 1950х гг. наметился новый поворот в развитии английской локальной истории – активное освоение ею достижений французских историков, и в первую очередь ученых, объединившихся вокруг издаваемого в Париже с 1929 г. Марком Блоком и Люсьеном Февром журнала "Анналы". Наиболее ценным для локальной истории оказалось предложенное "анналистами" изменение объекта исследований – в центре внимания историков оказывались не "великие" люди и "судьбоносные" события прежде всего политической истории, а обыкновенный человек и его жизнь во всем ее многообразии. Историки пытались выявить и описать все существовавшие в обществе связи — экономические, социальные и культурные, а человека рассматривали "как субъекта в его социокультурной обусловленности."³⁵ Исследование общества в его целостности было возможно только при междисциплинарном подходе к объекту изучения, использовании данных различных наук, среди которых не последнее место занимали история техники, языкознание, история религии, психология, антропология, история экономики и т.д. Новый подход диктовал и новый взгляд на источники, не только в смысле привлечения источников смежных дисциплин, ранее не используемых в исторических исследованиях, но и новых методов работы с ними: "источник сам по себе нем", считали представители школы "Анналов", и историк, прежде чем приступить к его изучению и анализу, должен сформулировать вопросы, на которые он надеется получить ответ. Этот подход коренным образом менял принцип исторического исследования – из поиска фактов оно превращалось в "диалог с прошлым." Главное новаторство этого направления состояло, по определению А.Я. Гуревича, в замене классической "истории-повествования" "историей-проблемой"³⁶.

Подходы "анналистов" в локальной истории с успехом применил Уильям Хоскинс. В своих трудах "Создание английского ландшафта" (1955), "Крестьянин средней полосы" (1957), "Провинциальная Англия" (1963) и др.³⁷ Хоскинс сформулировал вопросы, которые до него не рассматривала историческая наука: что из себя представляла жизнь обыкновенного крестьянина-фермера; какой была система земледелия, в которой он работал всю его жизнь; из чего

³³ H.P.R. Finberg, *The Local Historian and His Theme*, University College of Leicester, Local History Occasional Papers, 1 (1952), p. 9.

³⁴ См., например, A.G. Ruston and D. Witney. *Hooton Pagnell: The Agricultural Evolution of a Yorkshire Village*. London, 1934; M. Spufford. *A Cambridgeshire Community: Chippenham from Settlement to Enclosure* (Leicester, 1965), Department of English Local History Occasional Papers, 20.

³⁵ А.Я. Гуревич, Д.Э. Харитонович. Школа Анналов (новая историческая наука). - Статья в электронной коллекции словарей и энциклопедий "Мир словарей". Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_fil/SHKOLA-ANNALOV-NOVAJA-ISTOR-NAUKA-15983.html .

³⁶ Там же.

³⁷ W.G. Hoskins. *The Making of the English Landscape*. London: Hodder and Stoughton, 1955; *ibid.*, *The Midland Peasant: The Economic and Social History of a Leicestershire Village*. London: Macmillan, 1957; *ibid.*, *Provincial England*. London: Macmillan, 1963.

складывался каждый день крестьянина; что определяло ритм его занятий и как он изменялся в зависимости от сезона, географического местоположения его жилища и других факторов; какой была крестьянская культура во всех ее проявлениях, и как она "строилась" и функционировала. Анализируя и сопоставляя данные археологии, местной топографии, аэрофотосъемки, старинных карт и антропологии между собой и с историческими документами, Хоскинс не только продемонстрировал, что география и антропология могут быть такими же важными источниками для исторического исследования, как и архивные материалы, но и сумел показать, что в историческом процессе нет мелочей и что самые обыкновенные предметы быта могут рассказать внимательному историку не меньше, чем летописи или декларации об объявлении войны или заключении мира. Главное внимание Хоскинса было направлено на "состояние человека в его целостности на локальном уровне" и, отмечая великие циклы изменений в существовании человека, историк видел их "в терминах историй цивилизаций". Исследуя историю "провинциальной Англии", Хоскинс открыл различные цивилизации, существующие одновременно и взаимозависимо – "цивилизацию крестьянина", "цивилизацию провинциальных городов", "цивилизацию усадебного дома" и др. Назвав Хоскинса "гениальным локальным историком", Фитьян-Адамс отметил его "персональную самоидентификацию с умирающей провинциальной культурой".³⁸ Новаторство Хоскинса предопределило современное развитие локальной истории и привело ее к сближению с так называемой "тотальной историей".³⁹

Поворот в сторону структурализма и "тотальной истории" произошел в 1960е гг. опять-таки в среде французских ученых, главным образом, благодаря работам Фернана Броделя, ставшего во главе ж. "Анналы" и Института Человека в Париже. В своем обширном труде "Цивилизация и капитализм. 15-18 века"⁴⁰ Бродель перенес фокус исторического исследования с человека на большие структуры – экономические, географические, структуры народонаселения и тому подобные, на "медленные" перемены в истории. Озаглавив первый том своего исследования "Структуры повседневности: возможное и невозможное", Бродель широко использовал количественные и компаративистские методы и оперировал данными из области истории, экономики, демографии, социологии, военной истории, истории техники и др., сопоставляя между собой материалы, накопленные на протяжении четырех веков в разных уголках земного шара, для создания глобальной картины материального мира. Его главная цель состояла в том, чтобы увидеть разнообразные сцены человеческой жизни "как единое целое – от еды до мебели, от технических достижений до городов – и определить, что же из себя представляла материальная жизнь."⁴¹

³⁸ Charles Phythian-Adams. "Hoskins's England: A Local Historian of Genius and the Realisation of his Theme." *Trans. Leicestershire Archaeol. Hist. Society*, LXVI (1992): 143-59 (p. 143, 149, 155), <http://www.le.ac.uk/lahs/downloads/PHAdamsvolumeLXVI-7sm.pdf>.

³⁹ Beckett, "Local History", p. 356.

⁴⁰ Fernand Braudel, *Civilisation matérielle et capitalisme. XVe-XVIIIe siècles*. 3 vol. 1967-1979. T.1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible.

⁴¹ Перевод мой из издания: Fernand Braudel. *The Structures of Everyday Life. The Limits of the Possible*. University of California Press, 1992. P. 559.

Критика структурализма, "ушедшего" от человека в область экономических и других глобальных процессов, привела к возникновению в исторической науке конца 1970х гг. "антропологического поворота", проявившегося в усилении внимания историков к проблемам противоположного свойства – частной жизни, повседневности, быта, ментальности и отражения реальности. Исследования, составившие многотомную "Историю частной жизни" под редакцией Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби⁴², в рассмотрении отношений между человеком и социальной средой опирались на анализ, "с одной стороны, объективных структур прошлого ('реальность как таковая'), с другой – образов, представлений, верований, идей, понятий, в которых эта реальность воспринималась людьми прошлого и которые составляли 'вторую реальность'"⁴³. Последняя объявлялась важной стороной человеческого бытия, и историки, наряду с изучением исторических событий и факторов материального окружения человека, впервые обратились к изучению систем ценностей, ментальности, истории чувств, массовых представлений и историчности сознания. Использование в исторических исследованиях подходов, заимствованных из антропологии, предопределило появление "микросоциальной истории" (термин Алана Макфарлейна)⁴⁴ и "исторической антропологии" (термин Питера Бёрка)⁴⁵, что дало новый толчок локальной истории. Английская школа локальной истории по-прежнему лидировала, но интерес к проблемам, поднимаемым ею, стал заметно проявляться в 1970е гг. и в других странах Европы и Северной Америки.⁴⁶

Отходя еще дальше от традиционного в истории рассмотрения процессов в регионах с высот национальной истории, историки, включившиеся в разработку микросоциальной истории, выдвинули на первый план внимание к деталям, видимым только на микроуровне, но незаметным или даже невидимым на макроуровне "общей" истории. Главным объектом исследований стали низшие социальные слои, остававшиеся до того анонимной массой. Историки обратились к частным случаям, казусам, детальной проработке обстоятельств жизни "частного" человека, что потребовало укрупнения масштаба предмета, находившегося в поле исследовательского внимания, как бы рассмотрения его "в лупу". Среди работ, использовавших методы микроистории в исследованиях по локальной истории, классическими стали труды американского профессора Роберта Дарнтона, профессора Болонского университета Карло Гинзбурга, профессора Университета

⁴² *Histoire de la vie privée* /sous la direction de Philippe Ariès et de Georges Duby. 5 vol. Paris: Seuil, 1985-1987.

⁴³ Прочитировано у Репиной: Репина Л. П. Социальная история в историографии XX века (курс лекций). М.: ИВИ РАН, 2001. С. 37.

⁴⁴ Alan MacFarlane, *Reconstructing Historical Communities*. Cambridge University Press, 1977; the digitally printed version, Cambridge University Press, 2008. P. 8.

⁴⁵ Peter Burke. *The Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication*. Cambridge, 1987.

⁴⁶ См., напр.: Lutz k. Berkner, "The Stem Family and the Development Cycle of the Peasant Household: An Eighteenth-century Austrian Example," *American Historical Review* LXXII (1972): 398-418; P. Boyar and S. Niessenbaum, *Salem Possessed: The Social Origins of Witchcraft*. Cambridge, Mass., 1974; Jonh Demos, *A Little Commonwealth: family Life in Plymouth Colony*. New York, NY, 1974.

Торонто Натали Земон Девис и др.⁴⁷ Книга Девис "Возвращение Мартина Герра", рассказывая о том, как в 1540х гг. во французской провинции Лангедок крестьянин по имени Мартин Герр, оставив молодую жену и ребенка, ушел на заработки, а спустя несколько лет вернувшийся домой человек был судим за присвоение им чужого имени, открывает перед нами объемный мир возможностей, доступных людям того времени, и разнообразных ограничений, определявших их выбор моделей поведения. Основанная на тщательнейшем анализе огромного корпуса самых разнообразных источников, глубоко теоретически осмысленных, книга Девис анализирует локальное сообщество неграмотных крестьян, с его особой формой традиционной культуры, обусловленной специфическими географическими, историческими, экономическими и другими факторами, и показывает, как это сообщество в целом и конкретные люди в нем реагируют на изменения, вызываемые к жизни факторами "большой" истории страны. Как сказано в одной из рецензий, Девис "возвращает в историю людей, не уничтожая при этом ее социальной или политической силы".⁴⁸ В книгах Девис мы наблюдаем отличительную черту локальной истории конца 1980х-1990х гг. – стремление к синтезу микро- и макроподходов.

Идея "локального сообщества" или, уже - "общины", пришла в историческую науку из антропологии и социологии. До 1970х гг. большинство ученых следовало теории, сформулированной в работах немецкого социолога Фернанда Тённиса (Ferdinand Tönnies), противопоставлявшего общину (*Gemeinschaft*) - характерную для доиндустриальных обществ группу людей, связанных узами родства, совместного проживания, чувством "принадлежности" и общими целями, - и общество (*Gesellschaft*), понимаемое им как пришедший на смену общине с модернизацией и развитием капиталистических экономических отношений способ социальной организации людей, проживающих рядом в целях наилучшего способа удовлетворения своих личных потребностей и целей.⁴⁹ Серьезную критику данной теории высказал в 1977 г. Алан Макфарлейн, показавший в своей книге "Реконструкция исторических общин", что община продолжает существовать в индустриальный период и не вытесняется полностью обществом⁵⁰. Взгляды Макфарлейна развил Фитьян-Адамс, подтвердивший существование локальных общин в новые времена и разработавший теорию локальных сообществ и культурных провинций. В работах Фитьян-Адамса произошел отход, по его собственному определению, от "индивидуальных, имеющих четкие границы, событий и фактов как главного объекта изучения и замена его на качественное понимание разнообразно определяемых моделей социальных связей – между

⁴⁷ Robert Darnton. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. New York, 1985; Carlo Ginzburg, *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. Routledge, 1980; Natalie Zemon Davis, *The Return of Martin Guerre*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1983; Натали Земон Девис. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. Пер. с англ. Доброницкой. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

⁴⁸ Pat Aufderheide, *Village Voice*, суперобложка книги Davis, *The Return of Martin Guerre*.

⁴⁹ Ferdinand Tönnies. *Gemeinschaft und Gesellschaft*, Leipzig: Fues's Verlag, 1887, 8th edition, Leipzig: Buske, 1935 (reprint 2005, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft).

⁵⁰ Alan MacFarlane, *Reconstructing Historical Communities*. Cambridge University Press, 1977; the digitally printed version, Cambridge University Press, 2008.

индивидуумами, между социальными образованиями (entities), а также между этими образованиями и социальными и культурными структурами более высокого уровня".⁵¹ В центре внимания Фитьян-Адамса оказывается провинция, которую он рассматривает "как микрокосм всего общества, в особенности в периоды значительных изменений."⁵² Фитьян-Адамс указывает на то, что историку, выбравшему объектом своего исследования проблемы местной истории, приходится все время сталкиваться с проблемами истории национальной, поэтому ему необходимо четко осознать отношения между "локальным" и "национальным". Кроме того, важно видеть различия между краткими и долговременными переменами, проявляющимися как на локальном, так и на национальном уровнях.⁵³ Социальная организация, т.е. набор правил и принципов организации государства или нации, предоставляет, по мнению Фитьян-Адамса, "словарь возможных вариантов, которые реализуются и интерпретируются различно в различных регионах страны в зависимости от структур, сформировавшихся на местах в результате традиций, культурного контекста места с его собственными специфическими особенностями топографии, исторического, демографического и экономического развития." "Общество", однако, "может быть только там, где есть люди", которые взаимодействуют между собой в соответствии с "разделяемым всеми кодом жизнеустройства (shared habitual code)", т.е. общепринятым стилем жизни, и это общество всегда локализовано в конкретном пространстве. Историк, таким образом, должен смотреть не сверху вниз, а снизу вверх, оттуда, где социальные структуры "населены" людьми, в сторону более "широких" социальных организаций.⁵⁴ Локальные общины, располагающиеся рядом, могут также образовывать "культурные провинции", для которых свойствен общий "культурный контекст" – местный диалект, удаленность от центра, этническая или религиозная общность проживающих там людей, их одинаковая восприимчивость к культурным влияниям извне и т.д. Такие "культурные провинции" являются большими социальными структурами, чем локальные общины, и составляют, в свою очередь, нацию. Принципы соотношения истории локальных сообществ и национальной истории, разработанные Фитьян-Адамсом, не только позволили ему самому приблизиться к открытию "многих загадок" в исследовании "утраченного культурного и социального прошлого провинциальной Англии"⁵⁵, но и открыли для историков локальной истории возможность выхода на уровень глубокого теоретического осмысления роли отдельных регионов в общей истории страны, увидеть историю нации "как локальную метафору".⁵⁶

⁵¹ Phythian-Adams, *Societies, Cultures and Kinship*, p. xiii.

⁵² Charles Phythian-Adams, *Re-thinking English Local History*, Leicester University Press, 1987. P. 12-3.

⁵³ Phythian-Adams, *Societies, Cultures and Kinship*, p. 1-2.

⁵⁴ Там же, с. 4-5.

⁵⁵ Там же, с. 23.

⁵⁶ См., например, Celia Applegate. *A Nation of Provincials: The German Idea of Heimat*. Berkeley: University of California Press, 1990; Alon Confino. *The Nation as Local Metaphor: Württemberg, Imperial Germany and National Memory, 1871-1918*. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1997; N. Landsman, *From Colonials to Provincials: American Thought and Culture, 1680-1760*, Cornell University Press, 1997. См. также обзор историографии на тему: Celia Applegate, "A Europe of Regions: Reflections on the Historiography of Sub-National Places in Modern Times", *American Historical Review* 104, 4 (1999).

Как подчеркивала Л.П. Репина в своей книге "Социальная история в историографии XX века", "в последнее десятилетие активные поиски историками новых путей сосредотачиваются вокруг осмысления роли и взаимодействия индивидуального и коллективного, единичного и массового, уникального и всеобщего... Ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяют поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а следовательно сам ход событий и их последствия), не говоря уже о проблеме творческого начала в истории, требует выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности. Включение механизмов личного выбора является необходимым условием построения комплексной объяснительной модели, которая должна учитывать наряду с социально-структурной и культурной детерминацией детерминацию личностную и акцидентальную."⁵⁷ Использование подходов и данных антропологии, лингвистики, психологии, культурологии и других дисциплин существенно расширило исследовательское поле исторической науки и внесло значительные изменения в ее объект и задачи исследования. Размышления историков над методами работы с источниками и способами их интерпретации привели к осознанию необходимости соединения в историческом исследовании микро- и макроподходов, изменили способ отношения историка к фактам в истории и позицию самого историка в историческом нарративе. В последние годы все большим интересом пользуются работы, в которых автор не предлагает изложения последовательной череды событий с готовым ответом на вопрос "как это было?", а побуждает читателя посмотреть на возможные варианты развития событий, проанализировать потенциальные возможности их участников, мотивацию поступков и причины, по которым реализовались или не реализовались те или иные возможные сценарии в истории, т.е., по определению Репиной, историки сегодня стремятся не писать историю с точки зрения настоящего, представляя ее в уже свершившемся, "победившем" варианте, а смотреть на прошлое как на развивающееся настоящее⁵⁸, выдвигая интересные гипотезы и по-новому анализируя устойчивые концепции и привычные категории.⁵⁹

Надо отметить, однако, что большинство перечисленных выше работ по локальной истории, использовавшие новые методы и подходы, были посвящены изучению либо различных сторон жизни локальных сообществ в их целостности, т.е. с разнообразным социальным составом населения, либо сообществ крестьянских и городских низов. Развитие тенденции перехода в исторических исследованиях с позиций национальной истории на региональный уровень послужили поводом к смене объектов анализа и на персональном уровне – как уже отмечалось, историки

⁵⁷ Репина, Л. П. Социальная история в историографии XX века (курс лекций). М.: ИВИ РАН, 2001. С. 92.

⁵⁸ Репина Л.П. Комбинация микро- и макроподходов в современной британской и американской историографии: несколько казусов и опыт их прочтения // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции, 5-6 октября. М., 1999, с. 60.

⁵⁹ См. также: Victoria E. Bonnell and Lynn Hunt, *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley, 1999.

"отвернулись" от "выдающихся деятелей" элиты и обратили свое внимание на неграмотных крестьян и им подобных представителей низших социальных групп. Это привело к тому, что дворянство, жившее в провинции, осталось на долгое время практически вне поля зрения историков.

Подобная ситуация сложилась, в частности, в области изучения дворянства Франции. Так, Роберт Форстер еще в 1963 г. заметил, что методы, предложенные Марком Блоком и Люсьеном Февром, не оказали существенного влияния на исследования по истории французского провинциального дворянства XVIII в., представления о котором у большинства историков продолжали "моделироваться в необычайной степени по образцу литературной карикатуры", заимствованной из комедий Мольера, Бомарше и Шатобриана. "Исторический портрет" провинциального дворянина, "иногда меланхолический, чаще смехотворный", есть, по мнению Форстера, не что иное, как "изображение гордого, но тупого деревенщины, обреченного на нищету и безделье в разваливающемся провинциальном шато." Причина подобного результата крылась, по мнению историка, в том, что это изображение основывалось более на традиционном стереотипе, чем на основательном изучении источников.⁶⁰ Пытаясь преодолеть указанный недостаток, Форстер проанализировал данные экономической деятельности провинциальных дворян XVIII в. в трех регионах Франции (Гулузе, Бордо и Ренне), почерпнутые из неиспользованных ранее архивных источников, и убедительно доказал, что провинциальный дворянин эпохи Просвещения – "далеко не бездельник, тупица и обнищавший 'дворянчик' (*hobereau*)", а "скорее активный, практичный и процветающий землевладелец."⁶¹ Форстер подчеркнул важность изучения дворянства XVIII в. именно на региональном уровне, т.к. при разнообразии географических, экономических, социальных, культурных и других особенностей регионов специфические черты жизни провинциальных дворян в большой степени определялись их реакцией на окружающую действительность.

Несмотря на появление в свет в последние десятилетия ряда интересных работ по истории дворянства отдельных регионов Европы, позволивших по-новому взглянуть на концепцию и опыт жизни дворянства в провинции⁶², историки по-прежнему подчеркивают недостаточность изученности дворянства Европы на региональном уровне. В частности, четыре десятилетия спустя после появления

⁶⁰ Robert Forster, "The Provincial Noble: A Reappraisal," *The American Historical Review*. Vol. 68, No. 3 (Apr., 1963), pp. 681-691 (p. 681, 682).

⁶¹ Там же. С. 683.

⁶² См., например, J.T. Cliffe. *The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War*. 1969; Mack Walker. *German Home Towns: Community, State, and General Estate, 1648-1871*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1971; Jean Nicolas. *La Savoie au 18 siècle: noblesse et bourgeoisie*, 2 vol. Paris, 1977-1978; Maurice Gresset. *Gens de justice à Besançon: de la conquête par Louis XIV à la Révolution française, 1674-1789*. Paris, 1978; Dewald, Jonathan. *The Formation of a Provincial Nobility: The Magistrates of the Parlement of Rouen, 1499-1610*. Princeton University Press, Princeton, N.J., 1980; Alf Lüdtke. *Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen*. Frankfurt/Main, 1989; J.E. Hollinshead. "The Gentry of South-West Lancashire in the Later Sixteenth Century", *Northern History*, 26 (1990); Michel Figeac. *L'automne des gentilshommes: Noblesse d'Aquitaine, noblesse française au Siècle des Lumières*. Paris, 2002; René Favier. *Archives familiales et noblesse provinciale: hommage à Yves Soulingas*. Presses universitaires de Grenoble, 2006.

работ Форстера, французские историки сегодня по-прежнему обеспокоены сохранением и устойчивым бытованием стереотипных образов не только провинциальных дворян, но и сословия в целом, и видят необходимость пересмотра многих основополагающих теорий относительно места и роли французского провинциального дворянства в истории нации. Например, авторы сборника "Французское дворянство в восемнадцатом веке: переоценка и новые подходы" (2006) подчеркивают, что положение дворянства Франции в истории "старого порядка" до сих пор оценивается с позиций его деструктивной роли в национальной политике страны, а его "смерть" как лидирующей силы в обществе воспринимается как неизбежность.⁶³ Подобную потребность в пересмотре взглядов на дворянство, жившее в провинции европейских стран, ощущают и историки других национальных школ.

* * *

Поворот интереса в последние десятилетия в сторону "локальных особенностей" истории предопределил дальнейшее развитие локальной истории как в ее "антикварной", любительской ипостаси, так и на академическом уровне. Книги о том, "как заниматься локальной историей", выходят в Европе и Северной Америке массовыми тиражами, привлекая все большее число людей, историков-специалистов и непрофессионалов к этому увлекательнейшему жанру исторического поиска.⁶⁴ Компьютерная революция последних лет предоставила совершенно уникальные возможности в этой области и тем и другим, что обусловило появление большого числа новых исследований по истории регионов, отдельных городов, сел и деревень, малых локальных сообществ, отдельных групп людей, а также семей и просто индивидуумов, не только из числа деятелей истории и культуры национального масштаба, но и весьма обыкновенных людей. Появление в открытом доступе в интернете таких массовых источников, как переписи населения, метрические книги и т.п., породило настоящий взрыв интереса к исследованиям по семейной истории, что привело, по замечанию одного из ведущих британских историков по локальной истории Джона Беккетта, к тому, что "семейная история стала второй по популярности областью использования интернета после порнографии".⁶⁵ Как результат – невиданный в истории рост публикаций по локальной истории, как в традиционном книжно-журнальном варианте, так и в электронном виде, где заметно преобладают публикации непрофессиональные. Это увеличивает и без того "непростые" отношения между историками-профессионалами и энтузиастами-любителями локальной истории. Размышляя о новых направлениях развития локальной истории в XXI в., Беккетт видит настоятельную необходимость "поженить" концептуальные поиски академической локальной истории с практической работой краеведов. "Хорошая" локальная история, подводит итог Беккетт, должна отталкиваться от реальных

⁶³ Jay M. Smith. *The French Nobility in the Eighteenth Century: Reassessment and New Approaches*. Penn State Press, 2006;

⁶⁴ Alan Rogers. *Approaches to Local History*. Preface by W.G. Hoskins. Longman, London and New York, 1972; Philio Riden, *Local History. A Handbook for Beginners*. Merton Priory Press, 1998; Kate Tiller, *English Local History. An Introduction*. Alan Sutton, Avon, 1992, etc.

⁶⁵ Beckett, "Local History", p. 359.

событий или фактов, должна уметь анализировать и интерпретировать их; в то же время она должна помещать конкретный материал в исторический контекст (неумением это делать обычно грешат непрофессиональные работы), видеть всевозможные связи на разных уровнях и иметь потенциал целостного взгляда на прошлое. И, добавляет Беккетт, "хорошая" локальная история должна, безусловно, становиться известной многим, через публикации, как "бумажные", так и электронные, всевозможные публичные лекции, школьные и университетские курсы по локальной истории, средства массовой информации, общества, группы по интересам и другие формы распространения знаний.⁶⁶

Локальная история в России и изучение русского провинциального дворянства XVIII в.

Нет нужды говорить о том, что пожелания британского историка легко применимы к ситуации с локальной историей в России. Так же, как и на Западе, локальная история была долгое время уделом энтузиастов-непрофессионалов. Появившаяся в XVIII в. "провинциальная историография", позже получившая имя "краеведение", была популярным занятием образованного общества в XIX в. и получила особый всплеск в начале века XX. После Октябрьской революции и гражданской войны краеведение переживало свой "золотой век": если в 1917 г. в России было 155 краеведческих кружков и обществ, то к 1930 г. их насчитывалось уже 2334, с числом членов около миллиона человек. В следующем году, однако, вышло постановление "О мерах по развитию краеведного дела", в котором краеведение было квалифицировано как "гробокопательско-архивное" и осуждено как "гнилой либерализм". "Дело академиков", по которому было репрессировано 115 ученых, участвовавших в краеведческом движении, окончательно разгромило это направление науки в России.⁶⁷ Созданные в первые годы советской власти в областных центрах страны краеведческие музеи были призваны отражать и пропагандировать магистральные направления идеологической доктрины партии и правительства и, хотя вели большую работу по сбору местных материалов, научными-исследовательскими центрами развития локальной истории, в силу ряда причин не стали.

Возрождение краеведческих исследований произошло в 1960е гг. Однако, только в конце 1980х гг. история регионов стала выходить за рамки краеведения. В 1990 г. на конференции в Челябинске был создан Союз краеведов России, который возглавил академик С.О. Шмидт. Чтобы подчеркнуть необходимость развития научного направления в области изучения местной истории, Шмидт ввел тогда термин "историческое краеведение", которое, по мнению многих историков, вполне адекватно термину "академическая локальная история". Интересные работы

⁶⁶ John Beckett, *Writing Local History*. Manchester: Manchester University Press, 2007; *ibid.*, "Local History", p. 359-365.

⁶⁷ Susan Smith-Peter, "How to Write a Region: Local and Regional Historiography," *Kritika* 5.3 (2004) 533; Скиданов М.Е. Советское государство и краеведение (20-е годы XX в.) // Российский исторический журнал. - 2007. - №2. - С. 56-72.

научного характера по истории отдельных регионов начали появляться еще в 1980е гг. С упрощением доступа в архивы в постсоветское время в области краеведения наступил бурный период "накопительства", сравнимый с "антикварным" направлением локальной истории на Западе, – российские исследователи стремились ввести в научный оборот как можно больше новых фактов и источников, неизвестных или замалчиваемых ранее по идеологическим или иным причинам. Это дало настоящий взлет краеведения, особенно заметный в последнее десятилетие в связи с развитием интернета. Однако это накопление фактов, к сожалению, до сих по-настоящему не стало основанием для развития "академического" направления исследований по истории регионов. Хороших аналитических работ, построенных на солидном основании новых архивных материалов, осмысленных и интерпретированных в рамках современных достижений теории истории, пока крайне мало.⁶⁸ И нельзя сказать, чтобы западные теории истории были незнакомы российским исследователям: еще в конце 90х гг. в России прошли многочисленные круглые столы, конференции и симпозиумы по проблемам применения микро- и макроподходов к изучению прошлого, при академических институтах открылись постоянно действующие семинары, на которых обсуждались и обсуждаются проблемы обыденности, частной жизни, новые подходы к взаимоотношениям власти и общества, в том числе, в провинции, проблемы локальной истории. Большую роль в популяризации западных теорий в России сыграли работы А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, Л.П. Репиной и др.⁶⁹ Однако, по-прежнему большинство публикаций по провинциальной или региональной истории, изданных в России, можно скорее отнести к "антикварной" или краеведческой традиции, чем к "академической" или научной историографии. Не намного лучше обстоит дело с исследованиями, изданными на Западе, в которых новые методы локальной истории относительно провинциальной России начали применяться сравнительно недавно. Среди наиболее значительных следует назвать работы К. Герке, К. Евтухов, М. Кавендер, В. Кивельсон, Д. Ранзела, Д. Рэйли, Г. Фриза, Дж. Хартли и др.⁷⁰

⁶⁸ Среди наиболее заметных хочется назвать следующие: Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000; Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в." М., 2006; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; Севастьянова А.А. Региональная история в российской и зарубежной историографии. 2 тт. Рязань, 1999 и др.

⁶⁹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993; его же. Историческая антропология: Проблемы социальной и культурной истории. // Вестник Академии Наук СССР. № 7, 1989. С. 71-78; Бессмертный Ю.Л. Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996; его же. Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000; Репина Л. П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998; ее же. Социальная история в историографии XX века (курс лекций). М.: ИВИ РАН, 2001; Куприянов А. И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России: тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордогова. М., 1996; публикации в альманахе "Одиссей. Человек в истории", 1989- и др.

⁷⁰ Goehrke C. *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern*. 3 Bde. Zürich, Chronos Verlag, 2003-2005; Catherine Evtuhov, "Voices from the Provinces: Living and Writing in Nizhnii Novgorod, 1870-1905," *Journal of Popular Culture* 31, 4 (1998): 33-48; Mary W. Cavender. *Nests of the Gentry. Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia*. Newark: University of Delaware Press, 2007; Valerie A. Kivelson. *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the*

Если же подойти ближе к проблемам локальной истории России XVIII в. и еще конкретнее – к провинциальному дворянству XVIII в., то здесь мы, к сожалению, оказываемся на практически нехоженой территории. Большинство изданных в России работ по провинциальной истории, стремящихся применить аналитический подход, не идут дальше рассуждения о дихотомии "столица-провинция". Работы западных исследователей по истории дворянства России XVIII в., даже если построены с использованием большого количества материалов из региональных архивов, редко фокусируют свое внимание именно на проблемах локальной истории.⁷¹ Хочется, однако, еще раз подчеркнуть, что устойчивые стереотипы в восприятии русского провинциального дворянина XVIII в., оказавшиеся, впрочем, сродни традиционному изображению историками французского провинциального дворянина того же времени, также не выдерживают проверки с помощью детального анализа местных материалов. Это успешно продемонстрировано при обращении историков к комплексам архивных документов по истории отдельных регионов России, остававшихся ранее вне исследовательского поля историков либо рассматривавшихся ими под другим углом зрения.⁷² В частности, детальное изучение провинциальных усадеб русских дворян в XVIII в., предпринятое недавно Ю.А. Тихоновым на основе анализа описей имущества за долги, позволило

Seventeenth Century. Stanford, California: Stanford University Press, 1996; David L. Ransel. *A Russian Merchant's Tale. The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on His Diary*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2009; Danald J. Raleigh, ed. *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001; Gregory L. Freeze. "The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History," *American Historical Review* 91, no. 1 (Spring 1986); J.-M. Hartley. "Katharinas II. Reform der Lokalverwaltung – die Schaffung städtischer Gessellschaft in der Provinz?" *Katharina II. Russland und Europa*. Mainz, 2001. P. 457-477, etc.

⁷¹ Из общих исследований, опубликованных на Западе и имеющих непосредственное отношение к теме сборника, см., напр., Paul Dukes. *Catherine the Great and the Russian Nobility. A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767*. Cambridge, At the University Press, 1967; Madariaga I. de. *The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by H.M. Scott. Vol. 2*. London, 1995. P. 223–273; Michelle Lamarche Marrese. *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700-1861*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002; Lee A. Farrow. *Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia*. University of Delaware Press, 2004; Aust M. *Adlige Landstreitigkeiten in Rußland: Eine Studie zum Wandel der Nachbarschaftsverhältnisse 1676–1796*. Wiesbaden, 2003; etc. См. аналитический обзор работ, посвященных истории российского дворянства XVIII в. как западных, так и российских исследователей в недавней книге Е.Н. Марасиновой: Марасинова Е.Н. *Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в.* М.: Наука, 2008. С. 9-75. Историографические очерки в начале всех статей в сборнике также дают дополнительное представление об историографии по конкретным аспектам истории дворянства в отдельных регионах России.

⁷² Смилянская Е.Б. *Дворянское гнездо середины XVIII века. Тимофей Текутьев и его "Инструкция о домашних порядках"*. М.: Наука, 1998; Козлов С.А. *Русская провинция Павла Болотова: "Настольный календарь 1787 года"*. Санкт-Петербург: "Историческая иллюстрация", 2006; Белова А.В. "Четыре возраста женщины". *Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв.* Санкт-Петербург: Алетейя, 2010; Глаголева О.Е. *Жизнь в русской провинции в середине XVIII века (по материалам дворянских наказов Уложенной комиссии 1767-1768 гг.)*. // Вестник Томского Государственного Университета, Приложение № 22, декабрь 2006: Доклады и статьи международных научных чтений "Д.С. Лихачев и русская культура", Кемерово, 2006, с. 72-76.

российскому историку "развезть сложившийся в художественной литературе образ помещика-барина, равнодушного и неумелого хозяина, полного пленника своих приказчиков и управляющих. Конкретный материал показывает сельскую усадьбу в виде культурно-бытового гнезда, проводника в провинциальной жизни новых веяний в духовной жизни общества"⁷³. Дальнейшее обращение к региональным материалам, рассмотренным в рамках проблем локальной истории, поможет преодолеть привычные стереотипы и выйти на уровень теоретического осмысления истории русской провинции.

Можно смело сказать, что начало развития дисциплины "провинциальных исследований", необходимость которой ощущают многие исследователи, уже положено. В конце 1990х гг. сложилась международная исследовательская группа, неформально объединившая ученых России, Италии и Нидерландов, занимающихся проблемами российской и европейской провинции. Неоднократно (начиная с 1997 г.) собираясь вместе на международных конференциях, исследователи стремятся выработать общие подходы к интересующим проблемам, сформулировать базовые понятия и накопить фактологический материал. Результатом дискуссий стали сборники материалов конференций и специально посвященные проблемам провинции издания журналов.⁷⁴

Особенностью данного проекта, по мнению его участников, является то, что он объединяет специалистов – лингвистов, литературоведов, фольклористов и культурологов – с "филологическим (в широком смысле) подходом, при котором главным объектом исследования становятся *тексты* – тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология *места* – в данном случае, той или иной земли – 'провинции'."⁷⁵ Авторы сборника "Русская провинция: Миф – текст – реальность" исходят из того, что антитеза *центра* и *периферии*, столь характерная для российской культурной традиции, семиотически устойчива и является пространственным принципом организации любого сообщества. Оппозиция *столица* и *провинция* традиционно осмысливается "в плане их *цивилизованности*: 'столица' характеризуется максимумом цивилизации, тогда как 'провинция' – минимумом... Оттого, в частности, оппозиция 'столица' / 'провинция' и не соотносится с реальным многообразием культуры." При таком подходе "столица" становится "культурным идеалом", а образ конкретного места – нестолицы, по мнению составителей сборника, образом "провинции как таковой",

⁷³ Тихонов Ю.А. *Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков*. М., 2005, с. 11. Последовавшая за ней работа историка позволяет сравнить образ жизни провинциальных дворян с бытом столичной аристократии, см.: Тихонов Ю.А. *Мир вещей в московских и петербургских домах сановитого дворянства* (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008.

⁷⁴ *Русская провинция: миф - текст - реальность* / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.- СПб., 2000; *Провинция как реальность и объект осмысления* / Сост. А.Ф. Белоусов, М.В. Строганов. Тверь: 2001; *Провинция как реальность и объект осмысления*. Тверь, 2001; *Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты*. / Отв. ред. Л.О. Зайонц. Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004; специализированные выпуски журналов *Russian Literature "Provincija"*, LIII-II/III, 2003, *Amsterdam; Europa Orientalis*, Vol. 20, No. 1, 2003, Solemo.

⁷⁵ *Геопанорама русской культуры*. С. 11.

"мифом, характерным для централизованной культуры, которая забывает о питающих и поддерживающих ее местных традициях".⁷⁶

Авторы и составители второго сборника, выпущенного данной исследовательской группой, "Геопанорама русской культуры", вновь обращаются к "локальным текстам" как главному объекту своего изучения и делают попытку найти *общее в разном*, осмыслить различные "провинциальные мифы" ("волжский", "уральский", "сибирский" и т.д.), в которых проявился "хаотический набор местных достопримечательностей". Свою задачу они формулируют как желание найти в них "проявление единой культурной традиции" и обозначить "провинцию" как особый культурный феномен.

Второй проект, действующий сегодня под названием "Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. (по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний)", получил свое организационное оформление в 2009 г. году как проект Германского исторического института в Москве (Deutsches Historisches Institut Moskau). В отличие от предыдущего, данный проект объединяет специалистов из России, Канады и Германии (руководители Ольга Глаголева и Ингрид Ширле) с историческим (опять-таки в широком смысле) подходом. Объектом исследований являются не образ и миф, а исторический факт в локальном историческом контексте. Нами предпринимается попытка посмотреть на локальный срез культуры через текст исторического документа. Широкомасштабное выявление в центральных и региональных архивах новых, еще не введенных в научный оборот материалов или редко используемых в региональных исследованиях исторических источников (данных о подготовке на местах наказов уездных дворян в Уложенную комиссию 1767-1768; материалов Генерального межевания; формулярных списков чиновников местной администрации и провинциальных дворян, служивших в армии; материалов III и IV ревизий и актов экономической и другой детельности дворян, отложившихся в губернских, провинциальных и воеводских канцеляриях; материалов Розыскной и Следственной комиссии и пр.), не являясь самоцелью, стало серьезной задачей первого этапа исследовательских работ в рамках проекта, вызванного отсутствием на сегодняшний день полноценного комплекса эмпирических данных по местной истории, могущих служить базисом для теоретических осмыслений истории российской провинции.

Главной задачей проекта "Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в." стало осмысление эмпирического материала о жизни дворянства в русской провинции, на примере трех регионов центральной России, в рамках аналитического подхода и новейших достижений теории исторической науки и локальной истории в частности. Более частная задача может быть сформулирована как реконструкция локальных дворянских сообществ в трех означенных регионах и выявление связей всех уровней в данных сообществах и со значимыми для них внешними структурами (местная администрация, институты государственной власти, дворянское сословие в целом и т.д.). "Манифест о вольности дворянской"

⁷⁶ Русская провинция: миф - текст – реальность. С. 9-10.

1762 г., освободив русских дворян от обязательной государственной службы, стал важной вехой на пути формирования дворянского сословия в России и положил начало складыванию локальных дворянских сообществ, что нашло дальнейшее выражение в развитии дворянского самоуправления и создании предпосылок для складывания в России гражданского общества. Небогатые провинциальные дворяне, составившие большинство среди тех, кто воспользовался дарованной Манифестом свободой⁷⁷, поспешили в свои имения, чтобы начать приведение в порядок запущенных родовых гнезд, налаживание хозяйства для обеспечения своих семейств и установление отношений с соседями. Многие из них, пройдя военную или статскую службу в столицах или в полках, где они служили и жили бок о бок с представителями высшей аристократии и столичного дворянства, и в особенности те, кто побывал в Европе во время Семилетней войны (1756-1763), становились сознательными или невольными участниками процесса "культурного трансфера"⁷⁸, т.е. обмена идеями и понятиями между столицей и провинцией, Европой и Россией, начатого еще реформами Петра и втянувшего в свою орбиту русскую провинцию после Манифеста 1762 г.

Однако, условия "культурного трансфера" европейских идей и практик на почву русской провинции и его влияния на модернизацию жизни провинциального дворянства не изучены практически совсем. Существовало ли в провинции дворянское общество, способное "квалифицированно" воспринимать европейские идеи? Какие цели преследовали провинциальные дворяне, стремившиеся модернизировать свою жизнь на европейский или столичный лад? Отвечали ли конкретные условия жизни провинциальных дворян адекватному восприятию транслируемых идей? Какие формы эти идеи получали при их адаптации? Ответы на эти вопросы можно получить, лишь внимательно рассмотрев конкретные условия экономического, демографического, социального и культурного развития изучаемых регионов, способствовавшие формированию и существованию локальных дворянских сообществ. Исследование форм социального взаимодействия дворян в данном географическом ареале и связей разного типа (на уровнях как «локального», так и «национального») позволит существенно расширить наши представления о жизни в русской провинции в XVIII в., прояснить особенности регионального развития, представить конкретное сообщество провинциальных жителей с их вполне реальными проблемами, переживаниями и жизненным опытом. В свою очередь, "локальный" уровень нового исторического знания поможет углубить наше понимание процессов формирования русского дворянства в целом, складывания русского национального сознания и проблем взаимоотношений центра и регионов, столь актуальных и сегодня.

Конференция "Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в.", материалы которой представлены в настоящем сборнике, стала начальным этапом проекта "Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в."

⁷⁷ И.В. Фаизова, *"Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии*. М., 1999.

⁷⁸ Подробнее см.: Клаус Шарф, "Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения" // *"Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе"*. К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. / Отв. сост. А.В. Доронин. М., РОССПЭН, 2008. С. 20.

Примечательно, что некоторые участники проекта являются одновременно и авторами данного сборника и в их статьях уже отразились некоторые предварительные итоги исследований, проводимых в рамках проекта. Отличительной чертой всех статей сборника стала сфокусированность их авторов именно на проблемах локальной истории. Авторы и редакторы сборника надеются, что их стремление теоретически осмыслить различные аспекты истории провинциальной России XVIII в. на базе глубокого изучения разнообразных источников поможет пересмотреть все еще доминирующее представление о провинциальной жизни как беспросветной и грубой, а о провинциальном дворянстве – как сословию, оторванном от местной жизни и отчужденном от реального положения вещей. Мы уверены, что "переосмысление" истории в терминах локальной истории будет полезным для изучения истории российской провинции и нашего понимания русского дворянства XVIII в.